

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

**Итоги и перспективы современной
российской революции**

Книга В. Мау и И. Стародубровской "Великие революции от Кромвеля до Путина", вышедшая в 2001 году, несомненно, стала заметным событием в отечественном общественном сознании. В ней дан фундаментальный социально-экономический анализ того специфического состояния общества, которое называется "революция". При этом события, разворачивавшиеся в нашей стране в течение последних 10-15 лет, рассматриваются сквозь призму закономерностей и особенностей Великих революций прошлого. Такой анализ не может не вызвать особого интереса. Неслучайно почти одновременно с русским изданием появился и английский перевод книги.

Одним из факторов заинтересованности научного сообщества в обсуждении высказанных в книге положений стала конференция, организованная фондом "Либеральная миссия" (президент - доктор экономических наук **Евгений Григорьевич ЯСИН**) при поддержке Московской межбанковской валютной биржи. Ее участники не ограничились обсуждением самой монографии, но, учитывая ее методологию, затронули весьма широкий спектр проблем современного российского бытия.

На конференции выступили авторы книги - доктор экономических наук **Владимир Александрович МАУ** и кандидат экономических наук **Ирина Викторовна СТАРОДУБРОВСКАЯ**, их оппоненты - доктор экономических наук **Егор Тимурович ГАЙДАР**, доктор философских наук **Игорь Моисеевич КЛЯМКИН**. **Глеб Олегович ПАВЛОВСКИЙ**, а также участники обсуждения: **Денис Викторович ДРАГУНСКИЙ**, кандидат технических наук **Андрей Михайлович ИЛЬНИЦКИЙ**, кандидат исторических наук **Владимир Ильич ИЛЮШЕНКО**, доктор исторических наук **Сергей Александрович КАРАГАНОВ**, доктор исторических наук **Владимир Викторович КОСОВ**, доктор юридических наук **Михаил Александрович КРАСНОВ**, кандидат философских наук **Ольга Викторовна КРЫШТАНОВСКАЯ**, доктор исторических наук **Виталий Семенович ЛЕЛЬЧУК**, доктор социологических наук **Андрей Афанасьевич НЕЩАДИН**, кандидат технических наук **Георгий Александрович САТАРОВ**, доктор философских наук **Валентина Гавриловна ФЕДОТОВА**, доктор философских наук **Александр Сергеевич ЦИПКО**, доктор филологических наук **Мариэтта Омаровна ЧУДАКОВА**. Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены в предлагаемом материале.

Е.Г. Ясин: Сегодня мы будем обсуждать не саму книгу "Великие революции от Кромвеля до Путина", а тему, заявленную в ее названии. Это повод для того, чтобы обсудить актуальные проблемы нашего времени. Я хочу предоставить слово Ирине Стародубровской и Владимиру Мау. После них выступают официальные оппоненты, а затем каждый сможет высказать свое мнение.

В.А. Мау: Прежде всего, хотелось бы отметить: аудитория, квалифицирующая события десятилетней давности как революцию, постепенно увеличивается по мере удаления от них. Напомню, что в 1991 году Е. Гайдар не считал произошедшее революцией, хотя уже через год он это признал. А недавно, когда мы выступали на радиостанции "Эхо Москвы", там проводилось интерактивное голосование, выявившее 60% радиослушателей, поддержавших нашу точку зрения (хотя, разумеется, такой опрос, строго говоря, нельзя признать репрезентативным).

Последняя российская революция, несомненно, была по-своему уникальной, но эта уникальность заключается не и каких-то конкретных механизмах. В своей работе мы пытались показать, что в нашей революции присутствовали почти все черты, характерные для большинства предыдущих революций.

Впрочем, как сказал Евгений Григорьевич, книга - книгой, революция - революцией, но очень интересен вопрос, что же будет дальше? Довольно просто прогнозировать события по ходу революции: происходят стихийные процессы, мало контролируемые властью, и, в целом, их логика и механизмы повторяются. Но уже на стадии ее завершения события могут развиваться в самых различных направлениях.

И.В. Стародубровская: Я бы хотела остановиться на двух вопросах. Во-первых, и какой степени правомерна методология, которую мы использовали. И во-вторых, каковы структуры и процессы, связанные с постреволюционным развитием, и чего нам ждать в ближайшее время. Закончились ли революционные преобразования, и теперь ситуация будет стабилизироваться, или же нас еще ждут достаточно серьезные проблемы, связанные с прошедшей революцией?

Нас очень часто упрекали и продолжают упрекать в том, что вся логика книги строится по принципу аналогий. Можно ли на таком основании что-то анализировать или прогнозировать? Мы действительно начинали эту работу с аналогий. На идею анализировать отечественные события десятилетней давности в логике Великих революций нас натолкнуло их внешнее сходство с тем, что происходило раньше. Все-таки, думаю, самое главное - не сходство самих процессов, а *тождественность их причин*. И хотя все революции происходили в разные эпохи, оказалось, что ситуации в различных странах в преддверии подобных катаклизмов были очень похожи. Например, каждая из стран, в которой происходила революция, сталкивалась с серьезными внутренними проблемами, обычно порожденными тем, что обществу нужно было адаптироваться к новой стадии своего развития, связанной с экономическим ростом. В России эти проблемы были связаны с переходом к постиндустриальному обществу.

Однако некие жесткие ограничители в структуре мешали эволюционному процессу адаптации. Конечно, эти ограничители везде были разными. Одно дело - невозможность социальной адаптации в аграрно-бюрократических монархиях в период перехода к индустриализации, другое дело - проблемы, возникшие в советской системе в связи с ее неспособностью ответить на новые постиндустриальные вызовы.

Но этого еще недостаточно для того, чтобы общество созрело для революции. Будучи не в состоянии приспособиться к новым условиям, оно начинает отставать - сначала постепенно, потом безнадежно. В любом предреволюционном обществе действуют факторы, нарушающие его социальную структуру. И во время прежних революций, и сейчас на этот процесс влияли различные деструктивные факторы. Ранее социальную структуру расшатывали новые экономически активные слои, которые не вписывались в традиционную сословную структуру. У нас аналогичную роль сыграли нефтяной бум и связанный с ним массовый приток нефтедолларов в страну. Во всех случаях эти процессы приводят к тому, что общество из стройной социальной системы разваливается на мелкие группы с очень конфликтными интересами. Оно фрагментируется, распадается элита, и оказывается, что государству просто не на кого опереться. Социальная база, на основе которой оно строило свою политику, развалилась на небольшие конфликтные группировки, компромисс между целями и интересами которых найти практически невозможно.

Предреволюционная ситуация и революция становятся неизбежными, когда в обществе консенсус "против" любого решения всегда оказывается более сильным, чем консенсус "за". Это приводит к ослаблению государства, и начинается революция. В революционную эпоху слабое государство не может контролировать ход преобразований в стране. Наоборот, его политика является результатом самых разнообразных тенденций, движений, сил, групп интересов, а происходящее носит сугубо стихийный характер.

Революционному правительству, и это происходило во всех революциях, нужно где-то искать финансовую базу, чем-то покупать социальную поддержку. Одним из закономерных и логичных источников финансирования власти становится собственность, которая либо конфискуется у контрреволюционных сил, либо, как в нашем случае, будучи государственной, подлежит приватизации. Поэтому приватизация в тех или иных формах (кстати, очень часто - ваучерных) характерна практически для всех революций: первые ваучеры появились в Англии XVII века. Новая структура собственности порождает новую элиту, которой уже не нужен революционный хаос. Именно выросшая из революции элита формирует базу для возникновения нового, сильного постреволюционного государства.

Этот цикл проходили все общества, где совершались Великие революции. Точно такой же цикл повторился и в современной России. Поэтому мы не считаем, что книга построена исключительно на аналогиях. В ее основе лежат анализ базовых общественных процессов и выявление их сходства в очень разных условиях.

Практически все исследования революций заканчиваются на моменте появления новой элиты и усиления государства. Рисуется радужная картина: все потрясения благополучно пройдены, все позади, и теперь государство будет только усиливаться, на этой основе станет бурно развиваться экономика, а общество достаточно быстро преодолит революционную болезнь, которой болело 10-15 лет. Но если приглядеться к тому, как складывались постреволюционные периоды предыдущих революций, мы увидим, что это не так.

Что же представляет собой постреволюционный период? Обсуждая формулировки вопросов для этой конференции, мы поспорили с Евгением Григорьевичем, который просил заменить в вопросах к конференции формулировку "постреволюционный период" на "постреволюционную стабилизацию", в то время как я считала, что здесь надо употребить словосочетание "постреволюционная нестабильность". В результате мы сформулировали вопрос так: "Постреволюционный период - стабилизация или нестабильность?".

К сожалению, как бы нам ни хотелось, вероятность того, чтобы постреволюционный период протекал как длительная стабилизация, достаточно мала. Во всех революциях на этапе их завершения возникает феномен, который в источниках определяется как "постреволюционная диктатура". Мы осторожно назвали его "постреволюционной консолидацией власти". Общество устало, у него нет никакого желания продолжать участвовать в масштабных общественных катаклизмах. Элита сформировалась, консолидировалась и заинтересована в установлении достаточно жесткого режима. На этой основе вполне закономерно происходит постреволюционная консолидация власти.

Впрочем, я думаю, что сейчас у нас нет оснований бояться того, что в России постреволюционный период ознаменуется чрезмерно жестким режимом сталинского типа. Такие режимы типичны для индустриального общества, когда было распространено господство вертикальных структур и авторитаризма. Для постиндустриального общества, как и для периода модернизации или ранних индустриальных стадий, характерны более мягкие формы консолидации власти.

Постреволюционная консолидация власти строится на иных принципах, чем нормальная сильная, основанная на базовом общественном консенсусе, власть в эволюционно развивающейся стране. В эволюционно развивающейся стране партии могут очень остро и долго бороться за то, чтобы на полпроцента снизить налоги или

увеличить на процент расходы на здравоохранение, но в сильном государстве более принципиальные вопросы обычно не встают на повестку дня.

Усиление государства в постреволюционный период имеет совершенно другую базу: с одной стороны, усталость общества, которое хочет отойти от политики, во всяком случае на какое-то время, а с другой - стихийная тенденция к концентрации власти в руках новой элиты. Постреволюционная консолидация всегда строится на определенном компромиссе между остатками старой дореволюционной и новой элиты, сформировавшейся во время революции. Я не вижу конфликта в том, что власть консолидируется и в то же время строится на компромиссе, поскольку именно в его отсутствие заключена причина постреволюционной нестабильности. Усталость общества постепенно проходит, но отсутствие базового консенсуса начинает влиять на политику, а стремлению элит к объединению через некоторое время начинают мешать реальные различия интересов.

Однако период консолидации власти обычно продолжается не очень долго. По историческим меркам можно сказать, что он даже краток - так же, как революционный период, он длится не более десяти-пятнадцати лет. После него наступает период достаточно длительной и сложной постреволюционной нестабильности, для которого не характерны крупные общественные катаклизмы, хотя так называемые "вторичные революции" и происходят достаточно часто. Этот период характеризуется нестабильной политикой, влиянием самых разных сил на реальный политический и экономический курс, когда тенденции, сформированные в условиях революции, сочетаются с усилением контрреволюционных настроений.

Любая революция оставляет после себя очень тяжелые последствия, для преодоления которых требуются десятилетия, а иногда и столетия. Можно выделить три таких фактора.

Революция - процесс стихийный, и куда выведет кривая этих преобразований, понять довольно сложно. Обычно *ограничители, препятствующие адаптации общества к новым проблемам и вызовам*, во время Великой революции *снимаются не полностью, а иногда даже усиливаются*. Если мы посмотрим на историю всех революций, то увидим, что во Франции реальный путь к развитию буржуазных отношений открыла не Великая Французская революция, а революция 1830 года. Также и в Англии гражданская война и последующие преобразования, называемые Великой Английской революцией, имели неопределенные результаты, а реальные предпосылки для экономического роста сложились только в результате Славной революции] 788-1789 годов и произошедших после нее изменений в системе власти. Поэтому можно предположить, что и в нашей ситуации дальнейшие преобразования будут проходить достаточно сложно и потребуют радикальных действий.

Второй фактор длительной постреволюционной нестабильности - *отсутствие базового консенсуса в обществе*, которое выходит из революции крайне неоднородным. Система базовых ценностей и мифов одной его части строится на основе новой, революционной идеологии, в то время как достаточно большая часть общества еще существует в системе предреволюционных ценностей.

Также для прошлых революций было характерно то, что часть отстраненной от власти в период революции элиты возвращалась и требовала своей доли собственности и власти, поэтому *установившиеся после революции отношения собственности оказывались нестабильными*. В одних странах в постреволюционный период происходило перераспределение собственности, в других - его не было, хотя эта угроза и существовала.

Что касается нашей ситуации, то три обозначенных фактора так или иначе окажут влияние на постреволюционный период в современной России. Если говорить о незавершенности преобразований, то принципиальнейшую роль здесь будет играть то, что нынешняя конкурентоспособность российской экономики во многом поддерживается искусственно, в частности за счет далеких от мировых низких цен на продукцию топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Ведь для интеграции в постиндустриаль-

ное общество, и в первую очередь в формирующуюся сейчас международную систему разделения труда, требуется соблюдение иных условий, чем для вхождения в общество индустриальное, когда источник длительной экономической постреволюционной нестабильности в том, что Россия пытается войти в международную систему разделения труда на основе искусственно заниженных цен на продукцию ТЭК. Эти цены еще долго будут предметом политической борьбы и политического торга, поскольку их изменение приведет к неконкурентоспособности, банкротству и переориентации не только отдельных предприятий, но и крупных секторов экономики.

Я не верю в то, что отсутствие базового консенсуса в наших условиях сможет привести к той или иной форме реставрации на общегосударственном уровне. Что же касается ситуации в регионах и муниципалитетах, то там политические тенденции будут конфликтными. В результате выборов курс власти будет меняться, правила игры останутся нестабильными. И это тоже один из долговременных факторов, способствующих постреволюционной нестабильности, который в первую очередь связан со сменой поколений. Вопрос о возможности возвращения старой элиты, о роли старых кадров КГБ в новой политической системе пока остается открытым.

Таким образом, *стабилизация постреволюционной России будет достаточно продолжительной*, поскольку сохраняются факторы, провоцирующие нестабильность. Государство станет укрепляться, экономический рост продолжится, но из-за факторов нестабильности трансакционные издержки будут по-прежнему достаточно высоки. Поэтому я не верю ни в массовое вливание инвестиций, ни в российское экономическое чудо в ближайшие десятилетия.

В.А. Мау: Где-то в середине 1960-х годов Чжоу Эньлай на вопрос о том, что он думает об итогах Великой Французской революции, ответил: "Прошло еще слишком мало времени, чтобы всерьез говорить об ее итогах". Тем не менее, я полагаю, мы уже можем говорить о первых итогах революции, недавно прошедшей в нашей стране. Я бы хотел привлечь внимание к нескольким тезисам. По всей видимости, революция завершена, хотя никогда нельзя четко обозначить момент ее окончания. Мы понимаем революцию как механизм системной трансформации в условиях слабого государства, т.е. государства, не контролирующего социальные и экономические процессы. Для экономиста слабость государства заключается в том, что оно не способно ни собирать налоги на уровне бюджетных обязательств, ни сократить бюджетные обязательства до уровня сбора налогов - отсюда бесконечные инфляционные процессы, политическая нестабильность и перераспределение собственности ради покупки политической поддержки. Кстати, Э. Берк в свое время, критикуя французский ассигнат, отметил, что процессы инфляции и перераспределения собственности тесно связаны и фактически являются двумя частями единого целого.

Очевидно, что у нас подходит к концу период нестабильности, завершен период революционного бюджетного кризиса - также характернейшей черты прошедшего десятилетия, как и любой другой революционной эпохи. С этого момента прогностическая способность теории революции несколько ослабевает, и на первый план выходит вопрос о дальнейшем развитии.

Есть две группы факторов, влияющих на постреволюционное развитие в среднесрочной перспективе. Первый из них - *степень снятия ограничений, являющаяся следствием самой революции*. Как правило, в постреволюционный период степень снятия предыдущих ограничений невысока, и общество зачастую снова сталкивается с подобными вызовами. Например, начало революции и потеря управляемости в СССР были связаны с нефтяным кризисом, с колоссальной зависимостью советской бюджетной и хозяйственной системы от динамики нефтяных цен в начале 1980-х годов. Этот фундаментальный конфликт, эта структурная проблема, эта наркотическая зависимость от нефти сохраняется и по сей день. Но появились новые элиты с несколько трансформировавшимися интересами, которые могут и будут реагировать на колебания цен по-другому, может быть, более эффективно. Хотя, повторяю.

данная структурная проблема осталась, и она будет сказываться в течение длительного периода, провоцируя нестабильность.

Другой фактор, влияющий на постреволюционное развитие, - *структура интересов выходящего из революции общества*. Мы со Стародубровской ведем внутреннюю дискуссию по этой проблеме. Описывая этот фактор, я позволю себе прибегнуть к методу аналогий. Так, очень интересные выводы можно сделать, сравнивая результаты, например, английской и германской революций, с одной стороны, и французской - с другой. Если важнейший источник нестабильности в период революции - конфликт элит, отсутствие консенсуса по базовым ценностям, то после революции очень слабое развитие и даже застой являются результатом слишком тесного единства взглядов элит. Сохранение двух классов - землевладельцев и буржуазии - после английской революции или германской революции 1848 года, считавшиеся в марксистской традиции доказательством их незавершенности, на деле было важнейшим источником дальнейшего развития этих стран. Поскольку конфликт элит, их способность контролировать друг друга и влиять на правительство, не допуская разбалансирования системы до полного кризиса, был очень важным источником формирования механизмов постреволюционного роста. Неважно, что в Англии аграрии были протекционистами, а промышленники - фритредерами, а в Германии - наоборот: юнкеры были фритредерами, а промышленники - протекционистами. Важно, что и в Англии, и в Германии присутствовал конфликт интересов, тогда как из французской революции все - от крестьянина до банкира - вышли протекционистами и требовали защиты национальной промышленности, что оказывало негативное влияние на рост вплоть до периода Второй Империи.

На постреволюционное развитие оказывает влияние и характер самой эпохи. Постреволюционные события развивались по-разному в условиях ранней индустриализации, зрелого индустриального общества, в период 1920-1930-х годов и в постиндустриальном обществе. Существенно различались и выводы, и логика действий элит, и общественная реакция. Если что-то принципиально и отличает нашу последнюю революцию от революций прошлого, так это то, что она происходила в обществе образованном, урбанистическом и гораздо более развитом. Практически все предыдущие революции происходили в странах с примерно одинаковым уровнем ВВП на душу населения, с примерно одинаковой структурой занятости при доминировании аграрного населения с очень низким уровнем образования и доходов - того, что называется *human development index*.

Е.Г. Ясин: Теперь предоставим слово оппонентам.

Г.О. Павловский: Я боялся, что должен буду говорить о революции что-то систематическое, тогда как у нас последние 10-15 лет практически отсутствовала теоретическая дискуссия по этому вопросу, во всяком случае в публичной сфере. Всегда, когда общество возвращается к прерванной когда-то дискуссии, возникает проблема определения общей системы понятий. Ни для кого не секрет, что в России термины "революция" и "революционный" используются еще и как знак или клеймо. Хотя понятие "революционный" возникло после Великой Французской революции как политический термин, обозначающий более качественную, с тогдашней точки зрения, более передовую группу общества.

Если определить искусственную реальность, существовавшую до 1990-х годов, как тоталитарную, то естественно назвать процесс, приведший к ее разрушению, демократическим, чтобы сохранить общность набора понятий. С такого рода проблемами мы сталкиваемся постоянно. В книге не различаются "революция" как сбой организма и "революция" как особый организм, система. Изначально же понятие "революция" обозначало сбой в обычно ему не подверженном, как тогда предполагалось, организме. Впоследствии выяснилось, что бывают революции, достраивающие себя, затягивающиеся, превращающиеся в бытовую, обыденную форму существования

общества. И упоминавшуюся сегодня проблему фрагментации предреволюционного общества тоже можно решать разными способами. Можно усугубить ту разобщенность, которая способствовала началу революционных процессов, и в определенный момент начать выстраивать новые социальные связи на основе временных отношений, которые возникли в так называемую революционную эпоху.

Интересно было бы посмотреть, как и когда в ходе нашей последней революции сознательно применялись инструменты прошлых революций для достижения тех или иных целей. Известно, что сознательно или полусознательно в революциях начала XX века большую роль играл прецедент французской революции. Кстати, само представление о том, что английская революция не была завершена, было частью идеологии последующей революции во Франции, хотя англичане вовсе так не считали. В русской революции 1917 года французский прецедент сыграл колоссальную роль, причем этот опыт использовался не только для удобства маркировки тех или иных групп, не только для получения мандата на экстремальное поведение, на выбор наиболее радикальных средств. Именно в русской революции впервые террор сознательно применялся не внутри лимитированного данной цивилизацией процесса осуществления власти в тех пределах террора, на которые она готова, а как инструмент для взлома определенного цивилизационного порядка осуществления власти и в каком-то смысле для получения нового механизма селекции участников революции.

Подобно любому организму, каждая революция ищет способ построения некоего шлюза, насоса для расширения своего поля, для вовлечения в него все новых участников на уже определенных ею ролях. Революция конца 1980-х - начала 1990-х годов решила эту проблему по-своему элегантно. Использованный механизм был тесно связан с проблемой финансов. Финансирование революции всегда было интереснейшей темой, остро нелюбимой во время самой революции и вызывающей споры, противоречия и обиды долгое время после нее. Революция в СССР финансировалась из государственного бюджета. Роль каких-либо других денег в ней заметным образом начинает проследиваться примерно с 1990 года, когда процесс уже стал неуправляемым. Я помню, что в конце 1989 года, когда дело шло к выборам в Российской Федерации, Дж. Сорос собрал нескольких человек и сказал: "Ну что, вы так и будете телиться?". Каждый по-своему описал, каким образом он не будет телиться, и Сорос сказал: "Ваши проекты интересны, и, в принципе, я готов потратить на это миллион долларов". Но такая поддержка фактически играла роль лишь дополнительной катализации достаточно динамичного процесса. Да, на дополнительное финансирование революции можно было отдать несколько "коробок из-под ксероксов", но в основном она финансировалась государством через систему кооперативов.

Кооперативы 1980-х годов можно рассматривать в рамках как экономической истории, так и истории политической. Напомню, что кооперативы были фактически первой легально разрешенной формой гражданской самоорганизации, позволяющей вести все виды деятельности. Именно в кооперативной среде, в которую без значительных изменений перешла предшествующая неформальная среда, возникает механизм обналичивания безналичных денег и система определенного типа отношений между экономической деятельностью, правом и гражданским поведением. В этом треугольнике, в принципе исключающем формирование устойчивых отношений собственности и ее защиты, мы остаемся до сих пор. В такой системе могут возникать сообщества, через которые постоянно текут наличные деньги, скапливаясь в определенных местах в сравнительно большом количестве, а политическими средствами выстраиваются оболочки для охраны этих аккумулированных капиталов, но отношения собственности здесь сформироваться не могут.

Эти высоко финансируемые передовые сообщества, движимые активными людьми, выстраивают с властью определенные отношения, основанные на правовом невмешательстве власти в сферу их деятельности. Такое разделение интересов тоже возникло в 1980-е годы, когда власть предоставила кооперативам некий открытый сектор, на который не распространялись отношения права, тогда как сама она

контролировала все, что находилось за пределами этого сектора. В дальнейшем в результате экстраполяции, расширения данный сектор захватил все общество, и эта система отношений заместила собой поле, в котором могли бы возникнуть отношения, регулируемые правом.

Я хотел бы отметить еще один важный и уникальный момент. Последняя российская революция происходила при сохранении континуума ряда тоталитарных институтов. Естественным образом они теряли свое прежнее значение. КГБ, трансформировавшись в ФСБ, из которого наиболее активные люди уходили в бизнес и политику, конечно, не оставалось прежним, но континуум сохранялся и поддерживался. Агитационно-пропагандистский механизм практически полностью перешел в новую реальность. У нашей революции было две идеологические оболочки. Номинальной идеологией был провозглашен либерализм, но производство необходимых конструкций осуществлялось советским механизмом пропаганды и агитации, который оказался способным легко перенастроиться на другой режим.

Все вышеперечисленные факторы вполне могут стать основанием для того, чтобы запретить применение слова "революция" по отношению к процессам, свидетелями которых мы все являемся, во всяком случае до прояснения этого понятия. Хотя мне кажется, что очень серьезным прорывом являются первые попытки упорядочить реальность конца 1980-х - начала 1990-х, которая в то время анализу и описанию не подлежала. Наверное, многие могут вспомнить двойственность отношения к реальности того времени: ее нельзя было называть иначе, как определенными публицистическими терминами, но считалось, что именно она формирует шкалу отсчета. Условно говоря, время начиналось с перестройки. Доперестроечный период был некой заретушированной черной эпохой, которую можно было описывать по-разному и за которой начиналась ясность. Но саму точку перехода из темного пространства в светлое нельзя было ни рассматривать, ни давать ей определение, она не имела теоретического статуса. В этом смысле попытка придать ей теоретический статус хотя бы в виде понятия "революция" представляется мне колоссальным шагом вперед, особенно когда во главу угла ставится тема экономики революции.

И.М. Клямкин: Книгу "Великие революции от Кромвеля до Путина" можно рассматривать как событие, по крайней мере в академической литературе. В первую очередь она значительно продвигает нас в понимании событий, происходивших в России последние 10-15 лет. Мне представляются чрезвычайно важными попытки авторов как поставить эти события в контекст революций прошлого, так и соединить в их анализе экономический и теоретико-социологический подходы. После этого исследования уже трудно будет рассматривать прошедший период в эмоционально-оценочном ключе. Придется принимать в расчет и то, что написано в этой книге, т.е. говорить о событиях минувшего десятилетия конкретно и контекстно.

Трудно в течение короткого времени детально проанализировать эту интересную работу. И все же, чтобы не превращать свое выступление в панегирик авторам, я поделюсь некоторыми возникшими у меня критическими соображениями, которые оппоненты во время защиты диссертации классифицируют обычно как "в то же время в работе есть некоторые недостатки".

Хотя я и не возражаю против применения термина "революция" по отношению к российским событиям последних лет, мне не представляется убедительным определение этой революции как великой, как бы ни было обидно людям, стоявшим в центре недавних событий. Великие революции - и английская, и французская, и русская 1917 года - выдвигали новые проекты исторического развития, открывали новые коридоры возможностей если не в мировом, то по крайней мере в региональном масштабе. Английская революция привнесла принцип экономической свободы, французская - принцип свободы политической, Октябрьская революция - глобальную идею всеобщего равенства. Даже события в Германии 1930-х годов, которым посвящена отдельная глава, тоже несли новый принцип решения определенного типа

проблем, впрочем, не получивший такого широкого распространения, как большевистский. Я в данном случае не оцениваю содержание самих идей, которыми вдохновлялись те или иные преобразования. Я лишь констатирую, что в этом ряду исторических проектов наша недавняя революция выглядит достаточно вторичной, маргинальной, поскольку она реализовывала уже известные в мире принципы и пыталась приспособить к ним Россию. И именно поэтому я не могу рассматривать ее как великую революцию, хотя в масштабах истории России это, конечно, грандиозное событие.

Вызывают вопросы и обобщающие построения, касающиеся радикальных фаз революций (в современном российском варианте эта фаза, по мнению авторов, олицетворяется фигурой Гайдара). В данном отношении, как и во многих других, в книге есть немало интересных наблюдений. Так, вопреки распространенному у нас мнению, материалами всех революций подтверждается, что радикалы более прагматичны, нежели идеологичны. Они приходят к власти в уже сформировавшуюся до них среду, в которой строго следовать идеологическим принципам попросту невозможно; радикалы вынуждены решать насущные проблемы сугубо практического свойства. Это очень важно понимать, рассматривая наши реформы, и избранный авторами подход такому пониманию, безусловно, способствует. Однако, читая разделы о радикальной фазе революции, я постоянно ловил себя на том, что меня что-то смущает. И только дойдя до главы о Германии 1930-х годов, я понял, что это ощущение вызвано воплощающими радикальные фазы фигурами. В одном ряду с Е. Гайдаром оказались О. Кромвель, М. Робеспьер, В. Ленин, Л. Троцкий и даже А. Гитлер (нацизм характеризуется в книге как якобинство современности). Дело не только в том, что я не могу соотнести этих людей с Гайдаром, но и в том, что внутри этого ряда, среди его персонажей я вижу большие различия, подняться над которыми без методологического насилия над историей не так-то просто. Во всяком случае, авторам книги это, по-моему, не удалось. Неудача же, как мне кажется, обусловлена тем, что точкой отсчета в их анализе выступает именно современная российская революция, сквозь призму которой пересматривается опыт революций прошлого.

Конечно, для того, чтобы выстроить этот ряд, Мау и Стародубовской пришлось искать во всех революциях, в их радикальных фазах нечто такое, что сближает их с событиями в России последнего десятилетия. В результате такого поиска, помимо демонтажа старого режима и смены элит, в той или иной степени присущих всем революциям, был выделен фактор, который мне представляется достаточно случайным. Я говорю о балансировании нашего первого реформаторского правительства между различными группами элиты и между элитой и населением, чему авторы и попытались отыскать аналоги в революциях прошлого. Однако сопоставление по этому фактору получилось, по-моему, неубедительным. В период Робеспьера почти ничего подобного ельцинско-гайдаровскому балансированию и лавированию между группами найдено не было, а в периоде военного коммунизма - и того меньше. В книге приводится лишь публицистический пассаж из Н. Суханова, где говорится о том, что большевики не только ориентировались на большинство, которому дали землю, но и имели дело с финансовыми спекулянтами, на которых тоже пытались опереться. Вот и вся эмпирическая база - без единого факта.

При предложенном в книге обобщающем подходе размываются не только специфические особенности прежних революций, но и своеобразие нынешней российской революции. Дело в том, что на радикальных фазах предыдущих революций имело место их противостояние окружающему миру. Эти революции совершали прорыв в одной стране и вынуждены были защищаться от мира, живущего в другой парадигме. Наша же революция была осуществлена в совершенно ином международном контексте. Весь развитый мир помогал ей и поддерживал ее по той простой причине, что ее смысл и пафос заключались не в противостоянии этому миру, а в адаптации к нему. Обобщающие суждения о радикальных фазах кажутся мне уязвимыми и потому, что в прошлых революциях они были связаны с жестким

диктатом государства и были по сути своей антилиберальными, в то время как у нас фиксируемая авторами радикальная фаза высвобождала определенные социальные силы из-под опеки государства, т.е. имела отчетливо выраженную либеральную тенденцию. Но если так, то и фаза Термидора, о начале которой пишут авторы применительно к современной России, может иметь здесь иное, чем прежде, историческое содержание и выражение.

В вопросе о Термидоре, который у нас только начинается, Мау и Стародубровская столкнулись с очевидными методологическими трудностями. Ведь российский Термидор именно потому, что он еще окончательно не состоялся, не может служить призмой, сквозь которую просматриваются Термидоры прежние. И авторам ничего не остается, как менять свой подход и рассматривать уже не прошлое сквозь призму современности, а наоборот. В результате Ирина Викторовна в прогнозной части своего сегодняшнего выступления фактически предложила нам некий аналог событий 130 Франции начала XIX века. Но с этим прогнозом трудно согласиться, поскольку, во-первых, сейчас присутствует фактор благосклонности окружающего мира, а во-вторых, нельзя забывать о специфических особенностях отечественного развития и о тех чертах нашей революции, которых не было ни в одной из предыдущих.

Ведь если исходить из терминологии авторов этой действительно интересной книги, то получается, что современная российская революция, войдя в период Термидора, даже институционально не решила проблем большинства населения, которые в других революциях решались на предыдущей, т.е. радикальной стадии (в случае большевистской революции это решение оказалось временным и впоследствии отменным, но у нас данный вопрос не решался вообще). Поэтому если в термидорианские периоды минувших революций низы уже были отодвинуты от политики, то у нас может быть и иначе. Мне кажется, нерешенность проблемы большинства не исключает прохождение Россией радикальной фазы в более привычном - по прежним революциям - историческом выражении или совмещение этой фазы с фазой Термидора, но тогда это будет левый, а не правый Термидор. По крайней мере теоретически это не исключено. Вместе с тем благоприятный внешнеполитический фон позволяет такого сценария избежать, но для этого России необходимо менять цивилизационное ядро, т.е. интегрироваться в западную цивилизацию. Строго говоря, иного выхода у нас и нет, потому что левый Термидор в России, скорее всего, закончится катастрофой.

Е.Т. Гайдар: Я не сразу согласился с оценкой происходивших в России событий конца 1980-х - начала 1990-х годов как с революцией, но с течением времени авторы меня в этом убедили. Подобно тому, как все мы вышли из гоголевской "Шинели", и слово "революция" для нас, сколь рационально мы бы к нему ни относились, является красивым и хорошим, а "революционные преобразования", особенно в контексте "Великой революции", - вообще что-то замечательное. Такая установка создает фундаментальную проблему использования термина, потому что на самом деле любая революция, особенно великая, - страшная трагедия для переживающего ее общества. Она влечет за собой приговор элитам предшествующего режима, страшную перегрузку всех общественных институтов, их ломку, длительный период общественной дезорганизации и почти неизбежно - масштабное насилие. А если не возникает масштабного насилия, то складывается ситуация масштабной недополучения в связи с той же социальной перегрузкой.

Когда мы обозначаем какие-то процессы как "Великую революцию", то речь идет о масштабной катастрофе. К сожалению, советская элита не смогла избежать такой катастрофы, которая очень дорого стоила нашей стране. И если уж мы договариваемся об использовании термина "революция", то давайте одновременно договоримся и о его эмоциональном знаке: определение событий минувшего десятилетия как "Великой революции" говорит о том, что в России произошла одна из тех масштабных катастроф, которую, к сожалению, вынуждены переживать некоторые страны.

Если же говорить о прогностических возможностях использованного метода, то на самом деле Великих революций в мировой истории было мало. Большинство исследователей включают в их число английскую и французскую революции, русскую революцию 1917-1929 годов, китайскую и мексиканскую революции. Под вопросом включение в этот список иранской революции 1979 года и ряда других. На таком материале практически невозможно построить строгую, статистически верифицированную теорию революции. Хотя с экономической точки зрения развитие событий в рамках перечисленных революций всегда было связано с утратой государством способности собирать налоги и контролировать расходы, с долгосрочным финансовым кризисом, с кризисом инфляционным или связанным с неплатежами, как это было во время английской революции, с длительным периодом слабо защищенных прав собственности и высоких транзакционных издержек, с усталостью общества от всего этого и в конце концов - с постепенным восстановлением способности государства собирать налоги или ограничивать издержки и, соответственно, обеспечивать выполнение контрактов и снижение транзакционных издержек. Эти черты действительно схожи как в Великих революциях прошлого, так и в российских событиях последнего десятилетия.

Но сходство исчерпывается на этапе постреволюционной стабилизации. Данный инструментарий полезен для анализа революции до момента ее окончания. Потому что именно в этот период возникает широкая свобода для реализации самых различных политических линий элиты, сформировавшейся во время революции. В данной связи мне представляется малопродуктивным построение закономерностей, которые могут быть действительными и для ситуации в СССР в 1921-1929 годах, и для Французской революции после прихода к власти Наполеона и Бурбонов, и для Английской революции после Карла II. Власть укрепляется, получает широкую свободу маневра и во многом действует так, как диктуют ее приоритеты, вытекающие из доминирующих в мире идеологических тенденций. Но как будут развиваться события у нас - предсказать практически невозможно.

В обсуждении этой темы есть еще один принципиально важный момент. Именно в период постреволюционной стабилизации формируется некий набор институтов, который так или иначе функционирует впоследствии. Уровень его гибкости, его способность меняться в зависимости от меняющихся требований жизни принципиально важны для перспектив развития страны. Английская революция с течением времени сформировала поразительно гибкий набор институтов, позволяющий гарантировать права собственности и самоизменяться в зависимости от социальной ситуации, который был основан на прецедентном праве, разделении властей и т.д. Российская революция 1917 года сформировала поразительно негибкий набор институтов. В определенной степени он был эффективен для решения задач индустриализации, но при этом поразительно негибок. База для второй русской революции конца XX века была заложена в наборе институтов, сформированном в Советском Союзе в 1921-1929 годах. Эти институты действительно способствовали решению задачи форсированной индустриализации, но оказались абсолютно не приспособленными к изменению в зависимости от возникающих вызовов.

На мой взгляд, русская революция конца XX века - *первая парная революция*, т.е. революция, основы которой были заложены в режиме, сформировавшемся после первой русской революции 1917-1929 годов. Я боюсь, что через некоторое время мир будет наблюдать за второй парной революцией, которая на этот раз произойдет в Иране. У меня есть опасения, что сформированный в рамках первой иранской революции 1979 года режим сейчас оказывается недостаточно гибким для того, чтобы самотрансформироваться без революционной ломки, без очередных крупномасштабных потрясений.

Поэтому для нас предельно важно, чтобы режим, который сформируется сегодня, после второй русской революции, не повторил ошибок, которые мы уже один раз сделали между 1917 и 1921 годами. Нельзя допустить, чтобы он заостенел, чтобы,

эффективно решив сегодняшние задачи экономического развития России, впоследствии оказался неспособным к изменениям в условиях динамично меняющейся реальности XXI века.

Е.Г. Ясин: Пожалуйста, задавайте вопросы.

А.С. Ципко: По каким причинам, оценивая революцию 1991 года, вы не проводите сравнительный анализ с аналогичными процессами в странах Восточной Европы. Почему они оказались вне контекста?

В.А. Мау: Воспользуюсь этим вопросом, чтобы уточнить понятие "Великие революции". В данном случае, употребляя слово "величие", мы не даем событиям эмоциональную оценку. "Великая революция" - не очень хорошая или очень плохая революция. Это революция, проходящая весь цикл, все фазы, и поэтому "великая". Германские события 1948 года характеризуются по-другому. "Величие" революции составляет не масштабность перемен, а прохождение обществом определенного цикла.

Вы не задали другой вопрос: "Почему мы не рассматриваем американскую войну за независимость?", которая по многим характеристикам тоже была похожа на французскую революцию. Не рассматриваем по той же причине, по которой не включили в анализ страны Центральной и Восточной Европы. Вообще-то, это - трансформация некоторого режима, изменения очень существенные, но происходящие под контролем государства, осуществляемые элитой. Являющиеся, скорее, результатом торжества элиты, а не ее тяжелого кризиса, не ее неспособности решать проблемы. Хотя дальше начинаются детали, и мы осторожно отметили (это вписала Ирина Викторовна), что не рассматриваем Польшу до конца. Думаем, что здесь несколько иной случай. Но, повторяю, национально-освободительные движения очень часто бывают так же, как и революции, и кровавыми, и очень существенными (например, в Румынии), но это - другое. Мы же говорим о том, что революция - это трансформация систем в условиях слабого государства.

С.А. Караганов: Я не смог прочитать книгу, потому что я ее только что купил и читал только выдержки. Но выдержки меня задел, и я пришел. Основываясь на другом анализе, я согласен с выводом о том, что у нас впереди очень долгие годы нестабильности. Я хотел бы поставить два вопроса. Первое. Почему вы называете это революцией? Великие революции в конце концов продвигали общество вперед. А у нас была контрреволюция. И, соответственно, Егор Тимурович - не революционер, а контрреволюционер. Может быть, ему это неприятно, а может быть, и приятно. Думаю, стоит принять, что это контрреволюция, потому что Великая Октябрьская социалистическая революция, хотя и была великой и оказала огромное влияние на судьбы человечества, увела часть его в трагический тупик. Теперь это очевидно. Соответственно, мы не можем чертить совершенные параллели.

Второе. Рисуя все исторические параллели, надо вспомнить, что мы пропустили 50 или 100 лет политико-культурного развития. И тогда, может быть, какие-то параллели начнут играть роль, но уже совершенно по-другому. Это не общество, вырвавшееся из внутренних противоречий, а общество, которое отстало в своем развитии и вынуждено догонять и пытаться встроиться в основную цивилизацию. Но тогда у нас получается другая очень интересная парадигма.

В.В. Косов: Если говорить об аналогиях, все революции до той, которая случилась у нас, проходили в расширяющихся странах, если не географически, то численно. У нас произошло все наоборот. Насколько верно переносить выводы, построенные для стран с растущим населением, где молодежь будет потом все преобразовывать, в российскую ситуацию, где все происходит наоборот?

О.В. Крыштановская: Завидую Гайдари, которого авторы уже убедили, а я нахожусь в переходной стадии, в транзите, так сказать. Если следовать вашей логике, что революция - не только плохой сбор налогов, но еще и утрата государством своих контрольных функций, то не получается ли тогда следующая картина: любой процесс демократизации, т.е. движение от любого авторитарного режима к более демократическому и любое движение от государственного регулируемой экономики к рыночной, может быть трактован вами как революция? Потому что в таком случае всегда происходит уменьшение роли государства, тоталитарное, авторитарное государство контролирует все, а демократическое государство по отношению к тоталитарному всегда выглядит слабым. Как тогда быть с процессом возникновения гражданского общества, с возникновением каких-то общественных структур, не контролируемых центром? Например, говорят о слабости государства (реально есть такие настроения), видя свидетельство этого, скажем, в существовании в Свердловской области общественного движения "Май". При этом ставится задача научиться контролировать подобные движения. Не есть ли это процесс уменьшения поля плюрализма и поля демократии?

В.А. Мау: Я отвечу на все вопросы, после чего передам слово Ирине Викторовне. Революция или реставрация? На самом деле это игра в слова. Системная трансформация в условиях слабого государства вектора не имеет. Направление в данном случае неважно. То, что делали английский парламент, парламентская армия в 40-х годах XVII века, считалось реставрацией, борьбой за традиционную конституцию против нововведений короля Карла I, который пытался ввести беспарламентское правление, ориентируясь на передовые образцы французской монархии, пытался проводить огораживание, упорядочивать отношения собственности, вводить акцизы. На самом деле парламент потом сделал все то же самое.

Не согласен насчет расширения страны. Российская империя теряла как в смысле территории, так и в смысле численности населения. Это - не критерий.

Слабое государство - не государство со снижающейся нагрузкой бюджета к ВВП. В Китае эта нагрузка снижается, а государство - сильное. Точно так же, как революция - не обязательно движение от демократии к диктатуре.

И.В. Стародубровская: Хотелось бы сказать два слова насчет растущего населения. На самом деле, действительно, ранние революции начинались в периоды роста населения. Не потому, что они были связаны с этим, а потому, что в тот период рост населения провоцировал начало экономического роста. Те противоречия, которые выводили в революцию, были противоречиями начала экономического роста. Да, действительно, так получалось, что это происходило в периоды роста населения.

И теперь один ответ, который мне бы хотелось несколько расширить. И это - ответ не только на вопросы, но и на те комментарии, которые здесь высказали оппоненты. Это и то, что связано с определением - Великая революция или нет; крушение или прорыв в будущее; контрреволюция или революция. У меня такое ощущение, что мы забываем о том, как двигалась история. Будто бы подряд шли Английская, Французская революции, потом сразу конец XX века, а в середине ничего нет. На самом деле, те авторитарные, тоталитарные тенденции, которые проявились в революции 1917 года, абсолютно не были выпадением из мировой цивилизации. Они очень неплохо отражали те внутренние тенденции зрелого индустриального общества, которые так или иначе нашли отражение во всех странах. И у нас в книге приведена таблица, в которой показано, что для того периода были характерны приход авторитарных, тоталитарных режимов, усиление концентрации власти, базировавшиеся на экономических тенденциях, присущих тому периоду во всем мире. Ни в какой степени это не было чисто российским явлением. Более того, это было очень ярким отражением общемировых тенденций. Поэтому та либерализационная волна, которая, действительно, возникла где-то с 1960-1970-х годов, была новой

волной во всем мире, это был прорыв новой идеологии. Неслучайно говорят: "Неолиберальная революция". Неслучайно те же реформы Р. Рейгана и М. Тэтчер в литературе очень часто называют революциями, хотя по сути это не совсем правильно (то был совершенно другой процесс, но их рассматривают как революционные). И мне кажется, что нашу революцию нужно рассматривать именно в такой логике.

Это действительно был прорыв вперед, действительно было некоторое концентрированное выражение той неолиберальной революции, которая, собственно, захватила весь цивилизованный мир. И поэтому я не могу согласиться с тем, что революция — только катастрофа. Да, и катастрофа, безусловно. Безусловно, это - гораздо более серьезные издержки для общества, чем преодоление тех же противоречий в эволюционном развитии. Но это, как гроза, которая может расчистить душную атмосферу. Возможно, с большими издержками. Но все же некие перспективы для развития будут созданы. Иногда надежды реализуются, иногда — нет. В революциях это бывает по-разному. Но как чисто катастрофу я бы это не рассматривала.

А.С. Ципко: Об идеях, которые изложили авторы книги, я знаю уже десять лет. Я думаю, они все честно и объективно сказали, дали очень точную оценку. Это - прорыв, признак несомненной постреволюционной стабилизации. Мы, наконец-то, переходим от публицистики к научному осмыслению исторической реальности, в которой сами принимали участие. Клямкин много говорил о позитивных чертах. Я бы еще добавил: в каком-то отношении это уже навсегда останется, та часть книги, где авторы выступают как стопроцентные профессионалы, в том, что касается истории экономики, истории экономических преобразований и экономических аспектов революции. Думаю, это - вклад просто уже цивилизационный.

Но все-таки вернусь к вопросу, который я задавал, У меня вызывает внутренний протест методологическое игнорирование, на мой взгляд, однокачественных явлений, каковыми были и революция в России, и революции в странах Восточной Европы. Меня не удовлетворил ответ Мау. Вы говорите о революции как о социальной трансформации в условиях слабой власти. Я очень легко могу показать, что наша модель 1985-2000 годов, или 1990 год, в это определение укладывается. Так же, как и реформы Э. Терека, который начал экономические реформы, либеральные реформы, делал абсолютно то же самое, что у нас сделал М. Горбачев в 1985 году: практически отменил цензуру, разрешил выезд за границу, практически даже отменил руководящую роль ПОРП, хотя и не до конца. Произошло ослабление власти при крайне высоком уровне благосостояния (как известно, в 1978 году в Польше отмечался рост благосостояния, в этот период страна получила извне 17 млрд долл.). И вдруг появляется "Солидарность", массовый протест, революционная ситуация, попытка жесткого подавления, переворот В. Ярузельского, отступление назад. Все это абсолютно та же самая логика, которую приводят авторы при характеристике революции.

Зачем я это напоминаю? На мой взгляд, события рубежа 1980-1990-х годов и у нас, и в Восточной Европе все-таки имеют общее качество как революции антитоталитарные. Караганов абсолютно точно говорил: это другой тип революций. Если действительно Великая Французская и Английская революции - цивилизационные прорывы, прорывы в новое качество, в новый вариант, инвариант человеческой цивилизации, как и наша Октябрьская революция, то все, что происходило в СССР, в странах Восточной Европы, - попытка контрреволюции, попытка выйти из инварианта, выйти из цивилизационного тупика. Поэтому вне этого анализа получается чистый марксизм.

Я методологически допускаю такой подход, но его эвристическая ценность, качество, поверьте, теряется. А вот если вы взглянете на события последних 10-15 лет как на антитоталитарную революцию, то увидите качественные особенности. И если вы посмотрите на это как на антитоталитарные революции, тогда вы вдруг увидите, что жесткого экономического детерминизма в такого рода революциях нет.

Вы говорите, что кризис нефтяных потоков в связи со снижением цен на нефть уже в период Л. Брежнева стал экономической предпосылкой революционной ситуации. Боже мой! Мы - современники. Мы прекрасно понимали, что в такого типа системе сама фрагментация элиты, фрагментация интересов может вызвать прямо обратную реакцию. Она вызвала Ю. Андропова. Посадите вы Андропова, сохраните на 15 лет, и вы увидите отложенную революцию. К чему я веду? Мне кажется, что если вы согласитесь с тем, что это антитоталитарные революции против систем, которые держатся на механизмах страха, на механизмах подавления, тогда логика революционной ситуации не так экономически детерминирована; она детерминирована, прежде всего, ослаблением механизмов страха. Действуют уйма механизмов, которые надо изучать: кризис власти, кризис идеологии, кризис способности навязывать страх и т.д.

Кроме того, мне кажется, что при таком подходе появляется просто органическая потребность рассматривать события 1991 года в контексте всей действительно великой Октябрьской революции как ее последнюю фазу.

Я бы отметил и еще один коренной недостаток книги. В ней абсолютно пропал русский контекст анализа революции. Русская литература о революции абсолютно не учитывает во всех русских революциях феномен интеллигенции. Специфический феномен, которого нет в странах Восточной Европы. Это - разрушение государства и т.д.

Поэтому, приветствуя, поддерживая появление книги Мау и Стародубровской как несомненный научный прорыв, я думаю о дальнейшем развитии. Чтобы дойти до органики того события, в котором мы участвовали, и чтобы появились серьезные прогностические возможности, нам нужно решить по крайней мере две проблемы: ввести события последних 10-15 лет в контекст стран Восточной Европы и в контекст общего российского развития.

А.А. Нешадин: В исторической науке сейчас принят как основной посыл термин "система относительной перенаселенности страны". То есть когда те средства производства, которые имеются сегодня, не в состоянии обеспечить нормальное минимальное развитие данного населения. Историки видят из этого четыре выхода. Выход первый - сокращение населения. Поэтому со своей стороны можно отметить, что, скажем, холера притормозила примерно на сто лет развитие Европы, резко сократив население и сняв многие проблемы. Вариант второй - освоение новых территорий. И следующие варианты - захват противников в военном варианте или в экономической войне, дабы забрать свои ресурсы, резервы и т.д. И только когда эти пути нереальны, возникает необходимость реформирования страны.

В нормальной стране реформация вообще редко кому в голову приходит. Это все равно, что в отремонтированном доме затевать капитальный ремонт. Действительно, если посмотреть, ссылаясь не на западные источники и критерии, а на восточные, то Восток говорит: не дай Бог жить в стране в период ее реформирования. Отсюда можно сделать вывод, что мы можем иметь дело с двумя процессами. Во-первых, с процессом реформирования самого государства. И тогда стоит вспомнить, что "мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе". Во-вторых, возможен процесс реформирования общества. Поэтому совершенно не зря Октябрьская революция больше именуется переворотом, ибо то было реформирование государства. Причем государства, основанного еще Александром Невским. Начало у нас идет отсюда. Мы можем говорить о реформах Ивана Грозного или Петра I, о реформировании той же самой империи практически с теми же самыми системами. И мы можем говорить о реформировании общества. К этому относятся именно те революции, которые называются великими - английская и французская. Видимо, с большой натяжкой сейчас можно говорить о том, что какой-то этап революционных изменений начинается в России. Здесь Павловский прав, потому что наша революция идет как бы "сверху", происходит попытка реформирования общества с помощью

усилий государства. Идет выстраивание корпоративной системы, причем не факт, что она подойдет для России.

Несколько слов по поводу терминологии. Действительно, я согласен, марксизма много. Поскольку формулировка "низы не хотят, а верхи не могут" как-то просматривается немного в другой терминологии. А если говорить о современной российской революции, то я соглашусь: ее революцией назвать тяжело. Потому что события 1991-го года в значительной мере были спровоцированы. Могу напомнить те самые расчеты по разгрому финансовой системы Советского Союза со стороны Б. Ельцина, которые однозначно должны были привести к огромному кризису. Достаточно поднять журналы Павловского "Постфактум" образца 1990-го года с отдельными материалами, с отдельными стенограммами с заседаний Верховного Совета России, где все эти сценарии расписывались. Поэтому сказать, что все просто так "подошло", что именно в этот момент весь народ "не захотел", я не могу. Извините, это был точно своего рода августовский переворот и путч. Путч и антипутч, который коснулся Москвы. Просто на местах, как и в 1993 году, большинство уже не могло сопротивляться Центру. Иначе события могли пойти немножко по-другому. Поэтому, в принципе, революция, я считаю, у нас еще только начинается. Как говорится, есть у революции начало, нет у революции конца.

Г.А. Сатаров: Я прочел книгу даже до того, как она вышла, в рукописи. Спасибо за книгу. Хочу напомнить следующий фундаментальный исторический факт: снижение напряженности или вообще уменьшение религиозных войн в Европе было сопряжено с развитием позитивной науки. Два данных процесса проходили параллельно. Это очень важное обстоятельство. Мы с вами присутствуем при процессе подобном, с точки зрения геометрической. Мы начинаем рационально анализировать то, что с нами происходило. Здесь уже говорилось, что этого не хватало. Может быть, это, если такое историческое уподобление применять, повлияет не только на наше понимание, но и на снижение политического противостояния, что, на мой взгляд, существенно.

Теперь о книге. Она мне понравилась, во-первых, потому что созвучна тому, что думали мы с коллегами про это время, хотя, может быть, в других категориях. Конечно, когда я читал, то смотрел на нее и профессиональными глазами человека, всю жизнь занимавшегося измерением плохо измеримых вещей. И я там находил какие-то проблемные положения, но не считаю это существенным. Чтобы было понятно: есть проблемы компаративистики, сравнительных исследований разных стран. Очень трудно сравнивать страны даже в одно и то же время. Например, доля городского населения в разных странах - почти бессмысленное понятие, потому что в разных странах понятие города разное. Сравнить статистические показатели в разных странах в разное время еще сложнее. Это одна из очень трудных теоретических проблем. И то, что авторы рискнули тем не менее опираться на такого рода методологию, я рассматриваю как некий научный подвиг. Они в общем-то еще вызовут на себя гораздо более существенную критику, когда книга пойдет дальше, когда коллеги за рубежом начнут ее более фундаментально прорабатывать. Но важно то, что она вызовет не только критику, но и поток анализа, что, на мой взгляд, чрезвычайно важно. Она в некотором смысле провокативна. В хорошем смысле провокативна. В полезном. В нормальном смысле развития науки. Несмотря на те статистические претензии, которые у меня к ней есть, она - именно та точка, которая открывает некий поток. Для меня это бесспорно.

Теперь немного о революции. Вообще, революция была очень странная. Потому что она чрезвычайно не хотела не только называть себя революцией, но даже осознавать себя революцией. Более того, может быть, если бы она так осознала и назвала себя, она бы не произошла. Это интересное социально-психологическое обстоятельство. И обстоятельство, на мой взгляд, еще слабо проанализированное.

Я бы говорил очень долго. Слава Богу, до меня выступил Егор Тимурович и сказал

очень многое из того, что я бы хотел сказать. Я с ним согласен, но только чуть-чуть оттеню один его тезис по поводу того, что вот с революцией все хорошо, а с пост-революцией есть проблемы. Действительно, коллеги, ситуация предельно тривиальна. Революция может закончиться только одним способом - ее окончанием. То есть дальше начинается постреволюционный период. А вот дальше, действительно, развилка заведомо больше, чем одна. Правильно сказал Егор Тимурович, что эту методологию, одну, дальше экстраполировать для того, чтобы прогнозировать, конечно, трудно. Здесь, если уж говорить о развитии подобных исследований, есть большой пласт литературы, связанной с крушением демократии, с ее стабильностью и нестабильностью. Мне кажется, этот поток был бы очень полезен, наряду с экономическим анализом. Я хуже вас знаю эту литературу, но, насколько мне известно, революции изучены действительно гораздо лучше, чем постреволюции. Может быть, как раз в силу их колоссальной вариативности. Но мне кажется, что если экономический анализ продолжить на постреволюционный период, добавив к нему поток, связанный с анализом нестабильности демократии, то про наш постреволюционный период можно будет сказать что-то плодотворное и более точное и с более серьезной прогностической силой. Короче говоря, книгой открыт хороший поток. Я вас поздравляю.

Д.В. Драгунский: Давайте говорить не о книге, а о проблеме. Для меня самая интересная проблема - не проблема революции или постреволюции, потому что научный факт, как нам известно уже с 1935 года, - детище ученого. И он не существует в природе. Это было доказано на примере анализа реакции Вассермана, извините, пожалуйста, тем более, если речь идет о работе гуманитарной в исторической области.

Гораздо больше мне интересно другое: почему появилась эта книга? Что она такое? И вот тут мне кажется, что наше революционное развитие или недоразвитие-переразвитие - не только проблема экономически-популяционных ростов. Это, прежде всего, проблема идентичности, возможность осознания человеком ощущения, переживания самого себя и своей истории как некоторой целостности, некоторой непрерывности. Очевидно, книга и выполняет эту задачу. Мне, пусть не обижаются авторы, в общем-то не так и занимательно изучать, сопоставлять факты, изложенные в книге. Тем более что чем больше интересных вещей написано, тем больше обидных вопросов может быть по этому поводу задано. Это совершенно естественно. Мне интересна книжка в обложке "Великие революции от Кромвеля до Путина". Нас поставили в ряд, в такой хороший европейский ряд. Там есть, правда, одна сомнительная вещь. Оговорка по Фрейду. Вот здесь: "от Кромвеля до Путина". Я не думаю, что авторы желают Путину судьбы Кромвеля, однако слово сказано. Но эта оговорка меркнет по сравнению с тем, что нас поставили в контекст. Это самое главное. Мы - Европа. А дальше идет то, что говорил Егор Тимурович. Великая революция - это прекрасно. И консолидация элит - тоже великолепно. И постреволюционная стабилизация. Поэтому сделан очень важный шаг. Может быть, первый, может быть, робкий, может, занесена нога в область обретения непрерывности своего исторического бытия. В область полюбления себя самого как субъекта истории. И за это авторам спасибо.

М.А. Краснов: В чем трагедия или драма современной русской революции? Не будем повышать тонус. В том, что Ельцин не вышел и не сказал, что революция, о которой так долго говорили демократы, свершилась. Об этом аспекте сегодня говорили, но так, по касательной, несколько иронично даже, может быть, как не о самой главной теме. Я же считаю, что это - одна, может быть, даже главная тема. В старой марксистской школе меня бы, наверно, назвали субъективным идеалистом. Я хочу подпустить немножечко метафизики. Егор Тимурович говорил, что революция - прекрасное слово. Это сегодня оно прекрасное. А вспомните 1989 год, 1990 год. Было

фактически введено табу на слово "революция". Как популярна была фраза "Россия исчерпала лимит на революции". Боялись. Революционеры боялись назвать это революцией.

Далее. Революция никак не была подготовлена. Никто не уезжал ни в Цюрих, ни в Женеву, ни в Париж. Ну, может быть, и уезжали, но не за тем.

По марксистской историософии тоже ее никак не определишь. Какова она? Буржуазно-демократическая? Но у нас не было буржуазии. Непонятная революция с точки зрения названия. Кто движущие силы? Да никто! Она была объективной.

И, наконец, последнее, что микширует, собственно говоря, революцию. Ваша книга, Егор Тимурович, называлась "Государство и эволюция". А сегодня за революцию по опросу "Эха Москвы" 60-40%, а по России, наверно, за революцию - 20%. Даже точка отсчета революции микшируется. Что это? 21 августа 1991 года, 3 октября или 21 сентября 1993 года или 2 января 1992 года? Лично для меня (думаю, и для многих) эмоционально было революционное ощущение 21 августа 1991 года. Но мы не думали, что это революция. Я думаю, практически никто не рассуждал тогда в этих рамках. И здесь я вижу трагедию. То, что случилось осенью 1993 года. - результат неосознанности событий как революции. Революционеры боялись действовать по-революционному. Это не значит, что надо было как в 1918-1919 годах ставить к стенке без суда и следствия. Просто надо было осознать, что полностью меняется система власти. Полностью! Это то, что осознали только к 1993 году. И то, что у нас левая оппозиция - коммунисты, а не социал-демократы, также следствие неосознанности революции.

К чему я это говорю? Не говоря в свое время о революции как о революции, не осознавая ее как революцию, мы не использовали *ресурс вдохновенности*. Если бы такой ресурс был, то, между прочим, наверно, несколько в другой психологической среде проводились бы и экономические реформы. И это я уже, скорее, обращаюсь к Глебу Олеговичу, за отсутствием Владимира Владимировича: отсутствие понимания эффективности вдохновенности губит и сегодняшние реформаторские процессы. Я не специалист в теории революции, но согласился бы с Ириной Викторовной насчет длительного срока отсутствия экономического чуда, прежде всего, ввиду отсутствия вдохновительных идей. Они не такие уж лирические, как считают прагматики. Это очень эффективный способ. Наша беда состоит в том, что объективно революция была, но субъективно мы ее не осознали. И то, что сегодня происходит, - следствие этих ножниц.

А.М. Ильницкий: Я, по-видимому, здесь один из немногих дилетантов. Я - издатель этой книги. Единственное, на что мне хотелось бы, как книгоиздателю, обратить внимание профессиональной аудитории, это на то, что фантасты, предсказывавшие в 1970—1980-е годы все что угодно — от ядерных катастроф до техногенных катаклизмов - в общем-то проглядели и пропустили революцию как в мире, так и в России. И недаром С. Лем, когда начались события в Польше, сказал, что это - конец жанра. Поэтому думаю: то, чем занимались Мау и Стародубровская, когда готовили свою книгу, т.е. работали над выявлением неких глобальных закономерностей, важно. Это актуальная тема и далеко не решенная. И их книга, в общем, умножила то, что называется Знанием, а значит, увеличила нашу свободу.

Еще одно маленькое замечание к тому, что говорил сейчас Краснов, - о вдохновляющих факторах. Говорю как издатель, работающий со словом и с тиражами. Постреволюционное общество в терминологии Мау и Стародубровской - общество усталых людей. И перед элитами стоит задача как-то общество консолидировать. На какой основе? По-моему, это сейчас принципиальный вопрос, о котором все мы должны думать. Если раньше общество можно было консолидировать (по-моему, так было в XX веке) на какой-то перманентной внешней или внутренней угрозе, на образе врага, то теперь это не работает. Религия также, к сожалению, не может рассматриваться - особенно в православной транскрипции с суровым и консервативным

обрядом - как некий серьезный ресурс. Тут возникает проблема: а, собственно, чем вдохновлять и консолидировать? И мне кажется, что все мы - и издатели, и политические элиты, и др. - должны задуматься: кто герой нашего времени? И в прогностике не уподобляться Кассандре ни в ближайшей, ни в далекой перспективе. Нужен позитивизм. Как бы там ни было, по-разному можно оценивать даже то, что Ирина Викторовна говорила о 15 годах относительной стабильности. Ведь можно одним тоном сказать "15 лет в историческом масштабе", а можно по-другому сказать: "это - жизнь поколения". Ну, и слава Богу! Давайте в эти 15 лет займемся тем, что называется обустройством. Причем, в различных аспектах. Начнем формировать некий положительный имидж России и дадим людям надежду.

Закончу таким соображением. В чем практический смысл вопроса, была революция или нет? Для меня, например, и, думаю, для людей, которые эту книгу будут читать, это приоритет стратегических, долговременных ценностей в масштабе жизни человека и в историческом масштабе. На сегодняшнем этапе это самое главное. Пусть завтра начинается сегодня. То, что мы находимся в постреволюционной, относительно стабильной в масштабах человеческой жизни ситуации, позволяет на что-то надеяться и строить какие-то планы на будущее.

В.Г. Федотова: Мне кажется, что в нашем обсуждении немножко доминировала тема поиска какого-то ведущего фактора революции, будь то ослабление государства или, скажем, соотношение налогов и бюджетов. Думаю, эти факторы, безусловно, играют роль, но тем не менее при их наличии революция может как произойти, так и не произойти. С моей точки зрения, революция произошла. И произошла именно потому, что сочетание совокупности факторов привело к тому, без чего революция невозможна: к сознанию общества или элиты в данном случае. Когда возникает мысль, что иного не дано, это означает, что нет других путей решения проблемы, кроме как революционным путем. В свое время, в 1840 году И. Фихте опубликовал работу, которая называлась "Замкнутое торговое государство". Он говорил, что в замкнутом торговом государстве есть порядок, но нет свободы, а в разомкнутом торговом государстве есть свобода, но нет порядка, поэтому происходит переход от одного к другому, и этот маятник бесконечно качается. Что же сделать, чтобы маятник не качался? Он говорил, что для этого надо помыслить общество иначе. Мне кажется, сегодня то, что удалось в обсуждении (я не знаю, насколько в книге) - это то, что нам удалось помыслить общество иначе. Никто не сказал сегодня, что иного не дано. И более того, если эксплицировать из сказанного некие варианты будущего, то их по меньшей мере пять-шесть и т.д.

И возникает один вопрос, которого, наверное, лучше не касаться в сегодняшней ситуации. А правда ли было так, что иного не дано? Или все-таки мы должны были просчитывать риски каждого, выяснять реакцию, рассматривать, что последует за этим. И если в будущих сценариях мы все-таки усвоим некую методологию работы с прогнозами, я думаю, это будет позитивным вариантом состоявшегося обсуждения.

В.С. Лельчук: Мне кажется, что книга названа очень удачно. И не только с точки зрения книгоиздателей. Мы все-таки с вами гуманитарии. И надо подумать о том, как на рассматриваемую тему смотрят другие люди, изучающие, помимо нас с вами, примерно ту же проблематику. Беру, в частности, историков. И вот что выясняется. Опубликована книга, в которой говорится: ведомство Андропова получает задание посмотреть, что происходит в союзных республиках и в масштабах страны в целом. В результате создается аналитическая записка, в которой говорится о крепнущих, растущих и быстро развивающихся центробежных тенденциях в республиках. А потом прямо, черным по белому, написано: это раковые клетки социализма. Это, повторю, написано аналитическим отделом КГБ в 1972 году. Вот и решайте, что было в Беловежской Пуще в 1991 году. В КГБ в 1972 году, по-моему, написали правильно. Когда отправляли эту бумагу в Политбюро, Андропов все зачеркнул, кроме вывода

о возможности распада. А товарищ, который теперь вспоминает то время, объясняет, как в узком кругу Андропов потом заметил, что если надо, он может дать объяснения прямо на Политбюро. А иначе, что получается: яйца кур учат?

1991 год многие теперь вспоминают по-разному. Думаю, Егор Тимурович сделал великое дело. Его еще будут благодарить, и лучше, чем мы с вами. И авторов обсуждаемой книги. Конечно, произошла Великая революция. Нравится нам это или нет, но весь XX век в истории прошел под знаком событий в России. Кто больше принес интересного, трагического, великого, чем Россия, в XX век человечества? Помните, у Г. Плеханова есть слова: "Россия не смогла той муки, из которой можно испечь пирог социализма". Это когда было сказано? До Октября. И после Октября он это повторял. А что, разве испекли? В. Ленин потом спохватился и буквально за месяц до февральской революции писал: "В Европе гробовая тишина. Мы, старики, до революции не доживем". Наверное, в ситуации он не хуже нас разбирался, и тем не менее так писал. К чему я это говорю? Не буду рассказывать, как я понимал конец 1980-х годов, но если вы возьмете литературу того времени, то увидите: все понимали, к чему дело идет, но все анализировали, может быть, не свою историю, а смотрели на нас немножко со стороны. Почему?

И вот тут у меня вопрос: когда же мы стали индустриальным обществом? Мы, Советский Союз или Россия? Когда же мы шагнули в постиндустриальный период или только переходим к этой стадии? Сейчас в России треть или даже больше рабочих заняты ручным физическим трудом. Если это - индустриальное общество, разговор пойдет в одном ключе, но, по-моему, это никакое не индустриальное общество. Мы еще не смолотили той муки, а уже говорим о переходе чуть ли не к постиндустриальному обществу. Говорить можно, перехода пока не получается.

Книга подводит к размышлениям о том, что действительно великого произошло у нас за последние 10-15 лет. Сам факт, что произошли все эти события, потряс весь мир. Не знаю, больше ли, чем тогда 10 дней по Джону Риду. А нам кажется почему-то, что это могло быть, а могло и не быть. Но ведь факт, что все произошло!

Теперь последнее, об Америке. Если они пересядут на курьерский поезд, а мы будем по-прежнему ехать на пассажирском, мы обречены на десятилетия застоя. Почему мы забыли о соревновании двух систем? Думаю, эта тема должна постоянно присутствовать в нашем анализе.

М.О. Чудакова: Не могу не начать с того, что книга действительно (повторю Егора Тимуровича) убеждает, что революция произошла. Убеждает тех, у кого оставались сомнения. Я хочу только добавить, что революция связывалась у огромного большинства, конечно, с чем-то хорошим. Но не надо забывать, что не только в последнее десятилетие, о чем правильно сказал Краснов, боялись этого слова, но и в весьма далекие годы. Значительный слой людей моего поколения с двадцати лет этого слова терпеть не мог и относился к нему очень плохо. Нам тоже было трудно признать, что приход свободы на нашу землю - это революция. Но признать это надо, необходимо. И очень важно, что такой академический взгляд на недавние события пришел сейчас. Потому что я очень надеюсь: он проложит границу между академическим и ложно-академическим взглядами. Ибо сейчас есть огромное количество охотников предаваться ложноакадемическим рассуждениям о том, как кончился романтический период демократии. Вообще, когда они такую академическую рефлексию объявляют, им кажется, что они уже почти авторы книг и почти академические ученые. Тогда как нужно бы тем людям, которые книжки не пишут на эту тему, вспомнить, что они продолжают быть субъектами истории и что именно от них, от их реальных, конкретных действий, а не от умозрительно-замечательного метаописания самих себя и недавних событий, от их активности и энергии зависит, закрепятся ли результаты революции или, наоборот, будет то, что, возможно, бывает после завершившихся революций или в их конце.

Ложноакадемический взгляд прямо связан с неестественно активным ощущением

усталости. Все наперебой друг другу объясняют, как они устали. Я должна отчасти разочаровать тех, кто думает, что это - приобретение последних лет. Еще осенью 1919 года М. Булгаков писал: "Тех, кто жалуется на усталость, я должен разочаровать - вскоре им придется устать еще больше"... Так как он еще тогда надеялся, что белое дело победит с огромными усилиями. И дальше он говорил, что нам придется догонять страны, от которых мы уже отстали за два года дико и непереносимо. Этот умнейший человек заглянул в наше время и нам объяснил, чем еще нам придется заниматься. Заглянул в поколение внуков. Так вот мне кажется: население, огромные массы людей, да и мы как историки, экономисты, социологи, политологи можем констатировать усталость, апатию людей. Но почему интеллектуалы присвоили себе такое право - уставать? Мне кажется, такого права нам пока еще не дано. Я, конечно, выступаю как бы немножко в роли В. Маяковского, который И. Молчанову объяснял, как нельзя уставать в революции. Мне кажется, очень важна граница между академической рефлексией и продолжением деятельного участия в событиях. Я верю, повторяю, что книга этому послужит.

Чего не хватает все-таки и в современной рефлексии вообще, и в этой книге в частности? Для меня здесь есть неполнота осмысления того прошлого, от которого и уходили, производя революцию. Дело в том, что редкий подбор знания о семидесяти годах советского времени сейчас ощутим. Все исходят из того, что и так все знают. Опять-таки, устали повторять это еще в 1988-1989 годах, чего же сейчас-то возвращаться. На самом деле, существуют абсолютно разные взгляды у множества людей. Я думаю, наше общество делится сейчас на множество фракций, а совсем не на два-три больших куса. Оно делится на огромное количество каких-то умственных секций, у которых совершенно разный взгляд на это время.

На днях я ехала на машине, и шофер мне очень толково, долго объяснял, какой у нас был тоталитаризм (он знал это слово) и что всем управляла одна партия и не было частной собственности. Я говорю: "Вы мне перечислите, что вы подразумеваете под тоталитаризмом". Он стал перечислять, очень толково, но замечательный был конец: "Но ведь ничего не изменилось!". Мне хотелось ему сказать: "Откуда же вы тогда знаете, что так было, если сейчас не изменилось?". Это - не просто парадоксально. Над этим надо думать и думать. Множество людей вам таким же идиотским образом, не оценочным, а просто идиотическим, высказались бы.

Для меня единственный недостаток в этой действительно замечательной книге - в анализе той системы, от которой уходили. Экономически все проанализировано замечательно, по-видимому, но мне не хватает факторов внеэкономического порядка, которые играли огромную роль в том, чем все это кончилось. Мало того, они формировали личности тех, кто сокрушил старую систему. Явления Горбачева лично я ждала лет 15, непрерывно повторяя в своем кругу одну и ту же формулу: в этой партии (прошу прощения, если задаваю чьи-то чувства) 16 млн людей, неужели там не может найтись одного доброкачественного карьериста, который захотел бы войти в историю, одновременно принеся свободу в страну? Вот этот человек и нашелся. Я уверена, что Горбачев был человеком, у которого в какой-то момент возник рвотный рефлекс против насилия. В книге прекрасно проанализировано, что бывают революции без насилия. Я хорошо помню: у Горбачева было несколько запоминающихся фраз и моментов. Он редко "хлопотал лицом", как говорят актеры, но однажды он произнес: "Нам говорят, надо бы стукнуть кулаком". И, сжав, показал, как можно это сделать. А дальше была такая непередаваемая интонация фразы, которая мне очень запомнилась: "Вообще - можно. Но не хочется". Вот это "но не хочется" и было тем, что двигало этим человеком. Другое дело, конечно (тут начать-не кончить), почему полтора его последних года были столь плачевны и привели к революции, а затем к стихийным движениям и т.д. Но мне хотелось бы все-таки сказать, что то, о чем говорил Краснов как о вдохновляющем, это отвращение от насилия, оно, конечно, толкало. И пример А. Солженицына. Горбачева без него бы не было, я в этом глубоко убеждена. Вот он - личный фактор. XX век заставляет нас пересмотреть

роль личности в истории. Она огромна в истории России XX века. И сам пример Солженицына дал Горбачеву и Ельцину мысль, что и один в поле воин.

Мне кажется, главное сейчас - не бояться осмысливать теперь уже далекое советское прошлое. Потому что неосмысление его - темное место, которое мы оставляем на потеху всему миру, извините, на посрамище. Потому что мы обязаны дать итоги XX века. Обязаны просто перед миром. Если мы более внятно осознаем, что, помимо полного экономического тупика, в который завел октябрьский переворот, были идеологический, психологический и т.д. тупики, то именно это станет тем трамплином, которого сейчас остро не хватает. Который даст возможность обществу закрепить результаты революции.

В.И. Илюшенко: Революцию можно рассматривать как некий базовый переход, включающий к себя множество параметров. И не только политических и социально-экономических, но и духовных, социокультурных, ментальных и т.д. Между тем авторы предлагаемой теории, которую я вообще оцениваю очень высоко, уверены, что все революции детерминированы политически и социально-экономически, точнее - экономико-социально. В первую очередь слабостью власти и кризисами экономического роста. Но возьмем, скажем, февральскую революцию. Ее бы, конечно, не было, не будь Первой мировой войны, которая действительно привела к кризису экономики и к слабости власти. Но вступление в войну вовсе не было детерминировано экономически. Это во многом результат личного выбора Николая II, диктуемого не экономикой, а приверженностью ложной панславистской теории.

То же касается советской власти. Она покоилась совсем на ином, на трех китах: массовом терроре, массовом страхе, массовой вере. Но все эти факторы ослабли примерно к 1956 году, особенно после XX съезда. И забывать этого никак нельзя. Террор закончился, страх ослаб, а вера просто рухнула. И если террор и страх возобновимы, то вера - никак. Февральская революция стала возможна, потому что самодержавие перестали рассматривать как сакральный институт. И советская власть точно так же пала, потому что ее перестали рассматривать как нечто сакральное. Потому что вера в советскую власть и наша идеология были квазирелигиозными. Квази-. но религиозными. Это очень сильная скрепа. Каждой революции предшествовал глубокий духовный вакуум. И если после Октября вакуум религиозной веры был заполнен верой квазирелигиозной, то в нашей революции он пока не заполнен ничем. Есть лишь какие-то квазидуховные идеологические образования. И это делает состояние общества неустойчивым, а возникшую власть нестабильной.

И последнее. Мне кажется, что предлагаемая теория учитывает коротковолновые процессы, но не учитывает процессов длинноволновых. Коротковолновые процессы - это процессы политические и социально-экономические. Длинноволновые процессы - это процессы духовные, цивилизационные, социокультурные, ментальные. Вот на глубине динамика истории все-таки определяется длинноволновыми процессами, и революции в том числе.

И.В. Стародубовская: Я бы хотела сказать огромное спасибо всем, кто участвовал в дискуссии. И тем не менее особую благодарность хотелось бы выразить двум участникам обсуждения. Особое спасибо господину Сатарову за определение "провокативная книга", потому что, в общем, мы действительно ставили эту задачу. Даже по тем вопросам, по которым не могли идти очень вглубь, мы бросали идеи и действительно надеемся, что это будет провоцировать дальнейшую дискуссию, дальнейшую разработку. И второе особое спасибо господину Драгунскому за "европейский ряд". Да, нам кажется очень важным рассмотрение логики российских событий в логике европейских революций. Это действительно подтверждает: мы не просто некая особая общность, ни на кого не похожая. Мы - часть нормального общецивилизационного, европейского в широком смысле слова развития.

Несколько кратких замечаний по существу дискуссии. Первое. Нас тут как бы

почти обвиняли в марксизме. Мы это обвинение принимаем, хотя наши западные коллеги говорят, что наши идеалы лучше вписываются в контекст институциональной теории. Но я должна вам сказать: если мы посмотрим вообще на социологическую науку, то очень сложно найти другую, кроме марксизма, динамическую теорию общественного развития. С теориями общественного развития есть такая проблема. Они хорошо описывают статику, но почти не умеют описывать динамику.

Второе. Здесь говорилось о рассмотрении событий последних десятилетий в логике антитоталитарных революций. Вновь позволю себе согласиться с господином Драгунским. Реальность создается учеными. Можно рассматривать нашу трансформацию в логике антитоталитарной трансформации, в логике других восточноевропейских стран. И, наверное, этот подход будет иметь достаточную познавательную ценность. Но мы считаем, что можно по-разному рассматривать любое явление. Мы взяли другой аспект анализа, который, по нашему мнению, тоже имеет достаточную эвристическую ценность. В первую очередь с точки зрения анализа процессов в условиях слабого государства, с чем, по-моему, никто не спорит.

Третий момент. Говорилось о том, что революция не хотела осознавать себя как революция, не было сознательной революционной идеологии и не было вдохновительных революционных идей. Здесь мы также не оригинальны. Так, английская революция не хотела себя осознавать как революция: осознавала себя как реставрация, как возвращение к прежним древним принципам, установленным еще в очень давние времена. Хорошо это или плохо? С моей точки зрения, неоднозначно. В общем, похоже, что революции, которые осознают себя революциями, оказываются более насильственными, более кровавыми. Так что не могу я однозначно согласиться с тем, что это негатив.

И два очень маленьких замечания в завершение. По поводу того, что революция ничего не изменила. Читайте работу такого достаточно уважаемого человека, как А. де Токвиль, "Старый порядок и Французская революция". В ней он доказывает, что революция ничего не изменила во французском обществе.

И по поводу субъективного фактора, который мы недооцениваем. Я должна сказать, что, с моей точки зрения, появление человека, который захотел войти в историю и одновременно дать обществу свободу, как это ни печально, было напрямую связано с исчерпанием нефтяных доходов и назреванием острейшего экономического кризиса. Еще раз большое спасибо всем участникам обсуждения.

Е.Г. Ясин: Позволю себе несколько заключительных слов. Главное достоинство книги - ее провокативность. Пожалуйста, не воспринимайте это только как комплимент, потому что здесь все рвались в бой, чтобы сказать: вы в этом не правы и в этом не правы. Вот и пишите книжки. Это всем будет на пользу.

Единственное мое замечание по существу будет следующим. Я не знаю, как это вписать в контекст, но мне хотелось бы, чтобы была такая мысль: у нас была какая-то специфическая революция. Мы набрались смелости называть ее революцией, признав глубину произошедших изменений только через какое-то достаточно продолжительное время. Мне это кажется позитивным моментом. Потому что мы избежали очень многих катастрофических и кровавых явлений, которые обычно революции присущи. По крайней мере, никакого короля не казнили. А вот тот момент, что мы все время говорили о реформах и говорили о них для того, чтобы избежать революции как хаоса, как кровавого насилия и т.д. - это чрезвычайно важно. И это удалось. Гайдар пришел в правительство под флагом рыночных реформ, и эти реформы он осуществил. Потом мы можем назвать это революцией. Но самое важное было то, что в последний момент все-таки худший вариант развития революционных событий удалось предотвратить.

Дорогие друзья! В заключение я хочу, во-первых, высказать благодарность авторам, написавшим замечательную книгу. Она теперь будет доступна для того, чтобы читать ее и вдохновляться тогда, когда каждый будет писать новую книгу о нашем замечательном времени. Еще раз спасибо всем участникам обсуждения.